

Лепетюхина Яна
аспирантка БФУ им. И. Канта
Калининград

Сострадание и солидарность в политической теории Ханны Арендт.

В западной философской традиции понятие сострадание изменяло свое значение в зависимости от историко-культурных контекстов, что не позволяет с точностью определить его. В работах западных мыслителей рассматриваемое понятие зачастую лишено единого смысла, каждый из них по-своему определяет его, вписывая в свою мировоззренческую систему. Впервые сострадание появляется у Аристотеля в *“Поэтике”* и *“Риторике”*, но в политическую теорию сострадание вводит Жан-Жак Руссо. Проблему сострадания в современной западной философии поднимают Марта Нуссбаум, Марина Маккой, Стив Бейн.

Ханна Арендт подробно останавливается на сострадании в своей работе *“О революции”*, где она обращается к самому феномену революции и рассматривает его на примере американской и французской революции. Главная черта американской революции – это отсутствие социального вопроса вследствие существования рабского труда, что позволило революции состояться как подлинно политическому явлению. Целью революции было не освобождение от гнета и нищеты, но – свобода как участие в политическом действии каждого свободного гражданина. Что касается французской революции, то ряд факторов, повлиявших на значимость социального вопроса, неразрывно связаны с появлением “моды” на сострадание в XVIII столетии (в том числе и благодаря идеям Руссо) и на осознание нищеты как страдания. Ханна Арендт рассматривает феномен сострадания через призму учения Руссо и христианской традиции, когда она апеллирует к состраданию Христа из поэмы о “Великом инквизиторе” как единственно подлинном сострадании.

Стоит напомнить, в чем заключается концепция сострадания Руссо. В *“Рассуждении о происхождении неравенства между людьми”* Руссо пишет о естественном и гражданском состоянии человека, в которых проявляются два главных качества его природы: сострадание и эгоизм. Сострадание в естественном состоянии – природная добродетель, предшествующая любым

иным проявлениям человеческой природы в отношениях с другими людьми. Сострадание как эмпатия, позволяет человеку в естественном состоянии развивать основополагающие принципы мирного сосуществования. В гражданском состоянии человек склонен к рассуждениям о себе самом, что приводит к самолюбию, изолирующему человека от окружающей его действительности. Таким образом, человеколюбие – это проявление естественной природы человека, в отличие от «цивилизованного», или гражданского состояния, в котором человек несложными доводами способен оправдать жестокость и насилие, даже узаконить их. Только природное сострадание способствует сохранению человеческого рода, культура способна истребить его. В естественном состоянии сострадание выступает гарантом законов, нравственности и морали, потому что отвращение к злодеяниям явно заявляет о себе. Руссо подчеркивает, что если бы человеческий род руководствовался не естественным состраданием, а только разумом, то его существование оказалось бы под сомнением.

Арендт обращает внимание, что введенное в политический дискурс сострадание Руссо – это сострадание к *le peuple* как несчастным. Именно этому состраданию Робеспьер отводит центральную роль в своих революционных действиях. В политическое поле, где может проявляться подлинная свобода, вторгается нужда биологической жизни, обусловленность нищетой и угнетением. Свобода возможна как рациональное общение свободных граждан, которые обмениваются мнениями и решают политические вопросы именно в политическом пространстве, в котором нет места необходимости и нужде. Сострадание делает сферу человеческого взаимодействия слишком тесной для обдуманного принятия политических решений. Оно обнажает условия человеческого существования и для быстрого их изменения не остается пространства для переговоров и мыслительного процесса, но появляется место для решительных действий, например, для насилия. По мнению Арендт, сострадание не разумно и не способно к генерализации. Робеспьер ошибался, возвеличивая сострадание, так как его невозможно испытать к целому классу людей, а только к каждому отдельному человеку. Несмотря на то, что нищета и страдания объединяют народ и делают его единым телом (Ханна Арендт), сострадание не способно наделить правовым статусом

страдающего, оно может только искоренить страдания резкими и нелогичными поступками.

Особое внимание следует уделить тому, что Арндт критикует концепцию сострадания, предложенную Руссо, но не первоначальный смысл этого понятия, разобранный Аристотелем. Аристотель обозначил чувства сострадания и страха как необходимые реакции на трагические события на сцене театра, предшествующие катарсису. Древнегреческая трагедия вызывает чувство сострадания нарративом, выраженном в словесной форме. Например, “Троянки” Еврипида вызывают сострадание зрителя в момент произнесения речи страдающих и плачущих женщин. Еврипид через проявление сострадания к женщинам поверженных врагов привносит политический вопрос на сцену театра, указывает на бессмысленность и боль войны, обнажает природу человеческих страданий из-за политических действий. Августин позднее напишет в “Исповеди” о том, что испытываемое сострадание в театре не имеет ничего общего с подлинным состраданием Бога, а эмоции в театре - это скорее удовольствие и страсть. Но тем не менее через отождествление зрителя и героя, через рациональное понимание страданий, возможно воздействовать на поведение и действия людей. Таким образом, сострадание предстает как осознанный выбор в поведении, и именно этому мог научить театр. Афины Еврипида - это то самое пространство, где происходит переход от мифа к логосу, где слово способно призвать к мышлению и потеря традиционных ориентиров позволяет самому принимать решение о своем поведении. Поэтому сострадание, к которому обращался Еврипид, это именно свободное и рациональное чувство, способное изменить сложившиеся поведенческие модели. Но значимых исторических подтверждений этому у нас нет, поэтому сострадание остается чувством зрителей.

Историческим примером проявления сострадания оказалась французская революция, целью которой стало удовлетворение естественных потребностей человека, но не свобода и приобретение правового статуса. Арндт критикует сострадание именно как преткновение на пути к обладанию правом и свободой, но при этом отмечает, что правовым статусом человека способна обеспечить солидарность, которая и занимает в политике место сострадания. Однако, на наш взгляд, введение понятия солидарность вместо сострадания снова вытесняет из политической сферы ту

биологическую, животную экзистенцию человека и вновь освобождает пространство для рабства и угнетения. Несмотря на то, что солидарность разумна и способна к восприятию человечества как единого целого, она абстрактна и ею легко манипулировать. Как афинянин способен переживать солидарность с женщинами взятой Трои? Солидарность подразумевает общность интересов. Но она же и подразумевает отсутствие “заинтересованности”, что может также привести к чудовищным последствиям. Ведь именно с французской революцией в политическое поле ворвалась неодолимая естественная сущность человека, его неприкрытая экзистенция, обусловленная природной жизнью. И если сострадание не ведет к правам человека и политической свободе, то для начала оно ведет к установлению равенства и братства, а также к осуществлению естественных прав человека. Американская революция состоялась благодаря институту рабства. И если было создано политическое пространство, то в чем необходимость этой подлинной политической свободы, если существует ужасающее рабство. Арндт связывает поражение французской революции с внедрением социального вопроса, подмены прав человека правами санкюлотов и, действительно, вспыхнувшие эмоции и слепые страсти не могли повлиять на рациональность свершаемых действий и ясность принимаемых решений.

Сострадание Руссо, рассматриваемое Арндт, импульсивно и нерационально, но в истории западной философии есть другие примеры сострадания. Например, сострадание, возникающее у зрителя трагедии, это скорее рациональная добродетель, которая не блокируется разумом, и, наоборот, получает свое развитие благодаря размышлениям и предшествует катарсису, и, возможно, не отдельно взятого зрителя, а общества, как единого организма. Ведь в античной трагедии катарсису предшествовало слово, *λόγος*, и именно оно вызывало сострадание. Сознание и воображение зрителя делали его сострадательным, а разум был способен размышлять о страданиях других людей, даже политических врагов.

